

— Ещё недавно торопился, а я уже два дня как сшила, а ты не идёшь забирать, вот я и принесла сама. — Тётушка Шунь была уже в возрасте, дорога от её дома сюда была неблизкой. Она похлопала себя по ногам. — По-моему, тебе всё же стоит перебраться в деревню. Тут у самой горы — тебе ночью не жутко?

Тянь Яо налил ей чашку воды, помог присесть во дворе отдохнуть:

— Тётушка, здесь хорошо. Рядом с горой — мне кажется, что папа и маленький папочка рядом со мной.

Тётушка Шунь посмотрела на него, и сердце её вдруг сжалось от горечи. Когда его родители ушли, он был ещё не очень взрослым. Первые дни он пожил у них дома, но через некоторое время вернулся к себе, и сколько его ни уговаривали — не возвращался.

Тётушка Шунь улыбнулась:

— Мал ещё, а уже себе на уме.

Тянь Яо смущённо почесал затылок и принял у неё из рук одежду. Он развернул — посмотрел. Рука у тётушки Шунь была хорошая, стежки частые, ни одной торчащей нитки.

— Остатки ткани я пустила — сшила вам по кисету. — Она отдохнула и собралась вставать, но, дойдя до калитки, вспомнила о втором деле, ради которого пришла.

Она оперлась на невысокую ограду двора Тянь Яо и окликнула его:

— Я уж старая, память плохая. Самое главное сегодня не сказала. Знаешь ты господина Лю из посёлка?

Тянь Яо кивнул. Сын тётушки Шунь, Тянь Юйшэн, работал у господина Лю из посёлка долговременным работником.

— Младший господин Лю женится, берёт девушку из города западной уездной управы. Чтобы показать, как он дорожит семьёй невесты, господин Лю хочет поднести в качестве свадебного дара гуся. Да только всё никак не могут подстрелить гуся. Если у тебя будет время, сходи в горы, погляди. Я от своего Юйшэна слышала, что господин Лю готов заплатить за это три лян серебра.

Услышав это, Тянь Яо так и просиял. Если он сможет добыть гуся, то получит целых три лян серебра просто так — тогда они не только хорошую зиму проживут, но и на коляску для Юй Яна тоже наскребёт.

— Спасибо, тётушка. Я сегодня же после полудня схожу в горы, посмотрю.

Тётушка Шунь махнула ему рукой и медленно направилась домой. Но не успела она сделать и шагу, как у неё закружилась голова, и она оперлась рукой о стену. Тянь Яо поспешил к ней:

— Тётушка? Что с вами?

Тётушка Шунь оперлась на его руку:

— Ничего, ничего. Это я уже старая, ночами не высыпаюсь.

Хотя Тянь Яо был с Юй Яном в холодной войне, он всё равно каждый день выносил его из комнаты. Поэтому слова тётушки Шунь Юй Ян тоже слышал.

Юй Ян посмотрел на новую одежду в руках Тянь Яо и впервые заговорил первым:

— Тётушка, можно заварить успокаивающий чай.

Тётушка Шунь опешила и замахала руками:

— Да не такая уж это серьёзная болезнь.

Тянь Яо всегда очень уважал тётушку Шунь, и тут ему стало не до холодной войны с Юй Яном:

— У нас дома есть травы?

Юй Ян кивнул, затем назвал место, где разложил приготовленные травы, и велел Тянь Яо отобрать нужные и передать тётушке Шунь.

Тётушка Шунь отказывалась, отказывалась, но в конце концов приняла, рассыпаясь в благодарностях. Тянь Яо проводил её до дома.

Тянь Яо положил сшитую тётушкой Шунь одежду на колени Юй Яну. Он всё ещё не очень хотел разговаривать, поэтому ушёл в другую комнату — кладовую — и нашёл там стрелы и лук, оставшиеся от отца.

Силы у него было много, но стрелял он всегда не очень метко. К тому же гуся, который используется в качестве свадебного дара, лучше поймать живым.

Он сел под навесом, взял точильный камень и принялся легонько точить свои драгоценные наконечники стрел. Они давно не использовались, кончики затупились, но под его движениями снова начали поблёскивать серебряным светом.

Юй Ян тоже сидел под навесом, в руках он всё ещё держал новую одежду, которую только что передал ему Тянь Яо:

— Пойдёшь в горы?

Тянь Яо поднял голову. Прошло уже почти полмесяца с тех пор, как Юй Ян попал в его дом, и это был первый раз, когда он заговорил первым.

Тянь Яо фыркнул и отвернулся.

— Чтобы охотиться на гуся, нельзя использовать такие острые наконечники. И сейчас не сезон, когда гуси появляются.

Тянь Яо тогда снова повернулся к нему и угрюмо сказал:

— Всё равно хочу попытать удачи.

— Можешь взять меня с собой? — Юй Ян посмотрел на его редко используемый лук и стрелы и понял, что тот в этом деле не искусен. — У меня хоть ноги и отказали, но стрелял я раньше неплохо.

Тянь Яо произнёс «О», подумал, что Юй Ян в последние дни действительно никуда не выходил, и кивнул:

— Тогда давай собираться и отправимся.

Взвалить Юй Яна на спину для Тянь Яо не составляло труда — в конце концов, он мог без единой остановки пронести тушу кабана весом в четыре-пять сотен цзиней, не то что такого худого Юй Яна.

Хорошо ещё, что, чтобы подняться в горы, им не нужно было проходить через деревню — а значит, не нужно было обращать внимание на чужие взгляды. Юй Ян нёс на себе колчан со стрелами и лук, Тянь Яо нёс Юй Яна.

Ссора, что была между ними, словно испарилась. Тянь Яо по дороге снова начал болтать без умолку:

— Видишь это дерево? Когда я был маленьким, папа говорил, что я, как только он отворачивался, сразу забирался на него.

Там раньше росло дикое фруктовое дерево, ягоды на нём были такие сладкие! Жалко, года два назад оно вдруг засохло.

Юй Ян, а где в горах можно встретить гусей?

Юй Ян помолчал и спросил:

— В горах есть вода?

Тянь Яо протяжно «м-м-м» — не очень понял, к чему он клонит.

— Гуси живут там, где есть вода. Сейчас сезон их миграции на юг. Если они сюда залетят, то остановятся передохнуть у воды. Нам нужно просто идти к воде и попытаться удачи.

— Ты так много знаешь! — сначала похвалил Тянь Яо Юй Яна, а потом вспомнил, что недалеко от того места, где лес переходил в глухомань, была речная ложбина, промытая горным ключом. Она была не очень широкой, но с натяжкой её можно было назвать ручьём.

Они шли время, равное горению одной палочки благовоний*, и наконец добрались до ручья, о котором говорил Тянь Яо. Тянь Яо нашёл большой камень, усадил на него Юй Яна, а сам побежал к ручью напиться. Побоялся, что Юй Яну тоже захочется пить — сложил ладони лодочкой, зачерпнул воды и побежал обратно, чтобы дать ему.

Юй Ян только покачал головой — не хочу пить, — и Тянь Яо снова побежал к ручью.

Юй Ян сидел на камне, пробовал лук, который принёс Тянь Яо. Тетива была очень тугая, он с усилием натянул её — и тут ещё лучше понял, насколько силён Тянь Яо.

За последнее время Юй Ян уже заметно поправился — благодаря заботам Тянь Яо. Если бы он был в том состоянии, в каком попал сюда, он, наверное, вообще не смог бы натянуть эту тетиву.

— Это лук ещё папа при жизни сделал, — сказал Тянь Яо, напившись, и сел рядом с ним. — Он этим луком всю нашу семью кормил.

Юй Ян за эти дни столько слышал от него о его родителях, что в голове у него уже сложились их ясные образы.

Мужчина — молчаливый, но до беспамятства любящий свою семью. И маленький папочка — знающий много всего и обожающий своего ребёнка.

— Я только что видел в воде маленьких рыбок. Интересно, откуда они здесь взялись. Если мы не поймаем гуся, может, наловим рыбы? Маленький папочка учил меня варить уху.

— Хорошо.

В горах было очень тихо. Сидя здесь, слышно было журчание тоненького ручейка и время от времени — осеннее стрекотание цикад.

Тянь Яо не умел долго молчать — эти несколько дней молчания его почти с ума свели, и сейчас он готов был выговориться обо всём на свете.

— Тянь Яо, тихо.

Тянь Яо, который как раз вошёл во вкус, обиделся, что его перебили, но, увидев взгляд Юй Яна, сдержался и замолчал.

Юй Ян смотрел на небо. Тянь Яо тоже проследил за его взглядом — и увидел двух гусей, которые медленно спускались всё ниже и ниже и наконец остановились у самого ручья. Оба стояли на берегу и пили воду.

Глаза у Тянь Яо расширились, он вцепился в рукав Юй Яна.

Юй Ян, однако, был намного спокойнее. Он привычным движением достал из колчана две стрелы, другой рукой, закатав дырявый рукав, поднял лук, неторопливо приладил стрелы. Взгляд его устремился вдаль, в глубине его глаз мелькнул холодный блеск. Стрелы со свистом прорезали воздух и полетели прямо к гусям у воды.

Тянь Яо смотрел на него, ошеломлённый. В этот миг он наконец увидел в Юй Яне проблеск живой жизни.

Если бы в его семье не случилась беда, он, наверное, был бы таким, как в театре — своевольным, полным жизни.

Тянь Яо смотрел, как Юй Ян разжал пальцы, — две стрелы сорвались с тетивы и полетели к гусям.

Сердце у Тянь Яо ушло в пятки. Он вспомнил, что тётушка Шунь говорила про живого гуся. Если Юй Ян этими двумя стрелами перережет гусям глотки — они будут не нужны.

Тянь Яо быстро побежал к гусям. Те от боли жалобно кричали, но, поскольку были ранены в крылья, взлететь не могли и метались по земле.

Тянь Яо быстро их поймал, по одному в каждую руку, и побежал к Юй Яну:

— Какой же ты умелый! Как это тебе удалось двумя стрелами попасть в двух гусей, и каждого только в крыло, не убив, а только ранив?

Юй Ян только потряс руками. Давно он не прилагал усилий — уже просто натянуть тетиву было непросто, но меткость ещё не пропала.

— Раньше я занимался с учителем боевых искусств.

Раньше....

Это был первый раз, когда Юй Ян заговорил о своей прошлой жизни.

Тянь Яо связал двух гусей, велел Юй Яну держать их, а сам взвалил его на спину и понёс домой.

Самым умелым человеком, которого Тянь Яо видел до этого, был его папа. Но движения Юй Яна, когда он натягивал лук и прилаживал стрелы, были отработаны до автоматизма, и меткость у него была потрясающая. Свист пронзивших воздух стрел заставил Тянь Яо вздрогнуть от неожиданности. Даже папа, наверное, не смог бы одной тетивой двумя стрелами попасть в двух разных гусей. Юй Ян — действительно умелый.

Даже вернувшись домой, Тянь Яо всё думал о том мелькнувшем, живом Юй Яне. Если бы в его семье не случилась беда, его бы здесь не было. Не было бы вот так, на грубом камне, натягивать лук ради трёх лян серебра. Он должен быть, как в театральной пьесе — юноша на пике весенней удали, верхом на белом коне, с самоуверенным спокойствием и изяществом в каждом жесте, центр всеобщего внимания; стрела, пущенная из его лука, должна была бы вызывать восторженные крики. Он — благородный господин.

Юй Ян видел, как Тянь Яо аккуратно убрал гусей, потом сел в стороне и замолчал. Он добился того, чего хотел, но, кажется, всё равно был невесел.

Впрочем, его грусть продолжалось недолго. Он потрепал Пепла по голове, немного поиграл с ним, потом ушёл в кухню готовить ужин на двоих. Словно тот человек, которому было не по себе днём — был вовсе не он.

После ужина он заставил Юй Яна примерить новую одежду. В небесно-голубой одежде лицо у Юй Яна казалось особенно бледным, но от этого ещё более красивым. У Тянь Яо заняло сердце, и он спросил:

— Поедешь завтра со мной в посёлок в новой одежде?

Юй Ян покачал головой:

— Не нужно. Съезди сам.

Тянь Яо ответил «О», умылся, откинул одеяло и лёг в кровать. Сегодня он больше не поворачивался к Юй Яну спиной:

— У меня с луком всегда плохо получалось. Как папа ни учил — никак не мог научиться.

— Когда будет время, я тоже могу тебя научить.

Уголки губ у Тянь Яо не желали опускаться. Он подвинулся к Юй Яну поближе:

— До Нового года уже недолго. Я сделаю тебе тогда подарок.

Юй Ян сказал «М-м-м» — и в душе у него разлилась горечь.

п/п:

«Время, равное горению одной палочки благовоний» (香炷, yī zhù xiāng) — традиционная китайская единица измерения времени, примерно 20–30 минут (время, за которое сгорает одна ароматическая палочка, используемая в храмах и при гадании).

«Гуси в качестве свадебного дара» (大雁, dà yàn zuò pènlǐ) — в древнем Китае дикие гуси считались символом супружеской верности (гуси образуют пару на всю жизнь). В рамках «Шести обрядов сватовства» (六礼, liùlǐ) на этапе «найцай» (纳采, nàcǎi — «приношение даров»), когда семья жениха впервые отправляла сваху к семье невесты с предложением, обязательным подношением был живой дикий гусь. Позднее эта традиция распространилась и на другие этапы свадебной церемонии, а живого гуся часто заменяли деревянным или бумажным. Использование именно живого дикого гуся считалось знаком высочайшего уважения к семье невесты.

<http://bllate.org/book/17624/1640702>